

ПРИЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ УКРАИНИЗМОВ В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ А.И. КУПРИНА

У статті проаналізовано способи подання українізмів у художньому дискурсі О.І. Купріна. Індивідуально-авторська методика тлумачення інокультурного лінгвокомпонента розглядається як складова частина змісту твору і як своєрідна риса майстерності письменника.

Ключові слова: російський художній дискурс, індивідуально-авторська письменницька техніка, інокультурний лінгвокомпонент, українські культурери.

В статті проаналізовані способи представлення українізмів в художественном дискурсе А.И. Куприна. Индивидуально-авторская методика толкования инокультурного компонента рассматривается как составляющая часть содержания произведения и как своеобразная черта мастерства писателя.

Ключевые слова: русский художественный дискурс, индивидуально-авторская писательская техника, инокультурный лингвокомпонент, украинские культуреры.

The article deals with different possibilities of presenting and interpreting specific Ukrainian words that are proper of Kuprin's literary discourse. The author's methodology in rendering the sense of those language components that pertain to a different culture is considered, Kuprin's style and literary skills are also regarded.

Key words: Russian literary discourse, individual authorial writing skill, allo-cultural language component, Ukrainian culturemes.

Изображая украинскую действительность, русские писатели обращаются к украинским заимствованиям, вкраплениям. Украинизмы в русском тексте переводят восприятие адресата в иную бытийно-культурную плоскость и выполняют ряд функций, основными из которых являются познавательная-эстетическая и художественно-аттрактивная (наглядно-чувственная функция восприятия).

Украинский языковой компонент в художественном повествовании А. Куприна – это материал поэзии с четко освещенным значением слова, без понимания которого эта поэзия невозможна. Толкование инокультурного элемента (или его ЛСВ, если слово многозначно) своеобразно осуществляется в литературно-художественном контексте определенного писателя и является особенностью его индивидуального стиля [5: 59, 61–62; 6: 291–292, 294–298]. Используя различные методы толкования украинизма, а именно, представляя авторское очертание родственного понятия в иной культуре (соответствующее с представлением говорящего на ином языке), А. Куприн «придерживается» классических философско-языковых принципов передачи внутреннего наполнения языкового знака [7: 124–125, 137, 185]: раскрывает новое содержание, указывая на отношении мыслимой единицы к ряду других (т. е. характеризует предмет как часть расчлененной

системы, существующей независимо от нашего знания); контекстуально намекает на внутреннюю форму номинации, усиливая эстетичность впечатления; подбирает русский относительный эквивалент, подчеркивая несоответствие значения, какую-либо частность предмета (также в том случае, если внешняя оболочка слов совпадает) или несходство представлений о предмете в близкородственных лингвокультурах; использует комбинации слов, картин (производимых художественной речью), если слово одного языка не покрывает слова другого.

А. Куприн не увлекается «техническими» приемами сухой расшифровки украинского лингвокомпонента, используемого как в прямой, так и в авторской речи. Фиксируются единичные постпозитивные пояснения в скобках и девять авторских сносок (в указанном собрании сочинений), в которых значение номинации раскрывается лаконично, в пределах слова, словосочетания, реже – немногим более обширно. Например: «– Смотрите хорошо за лошадьми!.. Если будет гармидер (шум), держите крепче!» [3 (4: 102)]; «– Один раз прислала она у нашей молодичи злот (пятнадцать копеек)» [2 (4: 256)]; «– Велела, говорят, она ему поймай кожана* и сварить его живого... *Летучая мышь» [2 (4: 242)]; «– А може, это и не волк трубит, а вовкулак*, – заговорил вдруг Трохым... *Вурдалак, упырь» [2 (4: 492)]; «Сидит целый день, как старик, на присьбе*, опустив очи в землю, и все думает... *Заваленка» [2 (4: 495)]; «– Да, что же? Повалил её на землю и засунул ей квача* с дегтем в рот... *К в а ч – тряпка, туго свернутая, кляп» [2 (4: 241)]. Кратко поясняя украинизм багно, писатель указывает на тип болотистой местности, распространенный в лесной зоне Западной Украины (ср. с более общим переводом лексемы в произведениях В.Г. Короленко – багно (болото) [3: 260]): «– Другой раз в багне* по пояс загрунешь, дрожись весь, а терпи!.. *Б а г н о – вязкое болото» [4 (4: 104)].

В произведениях А. Куприна толкуются характерные для речи жителей Полесья номинации еврейских реалий. Украинизм балагула употребляется автором в значении *nomina personalis*, упоминается адекватное производное от балагула – балагульный, что свидетельствует о достаточном знакомстве писателя с лингвокультурой Западной Украины. Осуществляется литературная фиксация словообразовательной динамики единицы, проявившейся на коммуникативном уровне в определенный исторический период: так, в «Словнике української мови» отмечается иное, синонимичное производное «балагульский» [1 (9: 93)]. Развернутая авторская сноска отражает емкость понятия, фиксирует его многозначность: «В подвал спускался, бережно и грузно ставя на ступеньки толстые кривые ноги, местный балагула* – Мойше Файбиш... Файбиш пользовался в местечке, несмотря на свой не особенно высокий балагульный промысел, значительным и довольно веским почетом... *Б а л а г у л а – экипаж для дальних переездов. Балагулой также называют и хозяина такого экипажа или ямщика» [3 (4: 94)].

Русскоязычный читатель получает более богатую информацию об украинской культуре (происхождении, стилистических особенностях, диалектной принадлежности), когда авторский прямой перевод (данный в сноске) сопровождается образным пояснением в рамках прямой или авторской речи непосредственно в тексте изложения, в самой сноске. Например: «– А! Здорово, паньчу. Гай богу!* – прокричал Трохым обычное полесское приветствие... *Помогай богом» [2 (4: 490)]; «– Через кого господь прогнал Адама из раю? Через бабу... Шкодливы, пакостницы, сокотухи*. Плетут невесть что... *Болтуни. Когда кричит сорока, про неё говорят, что она “сокочет”» [2 (4: 240)] (А. Ку-

прин «представляет» номинацию с отличительными от северной русской лингвокультуры формальным обликом и смысловым наполнением, имеющую в то же время общую производящую форму: производящий глагол сокотать характеризуется частичной смысловой /метафорической/ дифференциацией в южных и северных областях: «сокотать юж. зап. стрекотать, кричать по-сорочьи. ||*Болтать без умолку, особ. по-бабы, лотошить, трещать. Соко́вка нвг. бойкая, веселая женщина, говорунья. || Сокотать, пск. спешно, шибко идти» [4 (2: 263)].

Литературно-художественные приемы толкования украинизмов с трудом поддаются типологизации, что свидетельствует о сугубо индивидуальной писательской технике. Это своего рода методы реализации информативно-познавательной и эстетической функции художественного текста, органическая составляющая творческого процесса. Среди них выделяются:

1. а) препозитивное или/и постпозитивное пояснение единицы (существительного, прилагательного, глагола, наречия, междометия) посредством подбора русского эквивалента, синонимичного словосочетания в рамках прямой или/и авторской речи (последующей, предшествующей). Такой прием знакомит читателя с локальными номинациями общеизвестных реалий (предметов, действий и т. п.). Например: «Потом он взвесил моего глухаря на руке и похвалил: – Петух хороший... Добрый петух... Ну, с полем вас, паныч!» [4 (4: 114)]; «– Вот поручик Арчаковский говорит... “Треба, каже, як у нас...”» [3 (4: 389)]; «Зверя она гонит молча, “нышком”, как говорит Талимон» [2 (4: 226)]; «– Гэть!.. Кышь до дому» [4 (4: 389)]; этот прием с совокупностью иных (использование эпитетов, развернутого описания, идентифицирование понятий с возможным указанием на их частичную смысловую дифференциацию) позволяет раскрывать значение культуремы картинно и полно: «Это даже была не хата, а именно скачная избушка» [2 (4: 260–261)]; «Барский дом, или, как здесь говорят крестьяне, палац, – одноэтажный, каменный, длинный, с зеркальными стеклами в окнах, с балконом и с двумя львами на подъезде» [2 (4: 117)]. Толкование украинизма может сопровождаться косвенным указанием на источник информации («говорят здесь», то есть местные жители и т. под.; из контекста следует, что информирующее лицо – представитель украинской лингвокультуры);

б) подбор эквивалентов на основе стилевой дифференциации, что отражает культурный уровень коммуникантов. В этом случае разговорная речь (просторечные элементы) и кодифицированный литературный язык контрастно противопоставлены: «– Разве же это ружо? Ты бы еще сказал по-деревенски: рушница. То дома было ружо, а на службе зовется просто: малокалиберная скорострельная винтовка» [3 (4: 414)];

в) дополнительный подбор синонима или соответствующего синонимичного словосочетания с учетом областной дифференциации употребления: «Выходили фамильные ссоры, сплетни, обидные недоразумения, проще – то, что называется в провинции, на севере – “контрами”, на востоке – “козьими потягушками”, а на юго-западе – “суспициями”» [4 (4: 695)]. Ср. с единственным и прямым значением «южной» номинации в Толковом словаре В. Даля: «сүспица... юж. хвостец, охоботье, при вейке хлеба» [4 (2: 364)];

2. Поочередное использование украинизма и соответствующего русского эквивалента на протяжении повествования в рамках отдельного художественного произведения, что представляется неброским и оригинальным методом уяснения значения культуремы: «Посетители... продолжали ходить в его погреб, который был биржей и клубом для

еврейского населения маленького пограничного городишки. <...> Они жили на краю местечка, снимая угол у вдовы сапожника» и т. д. [3 (4: 87, 97)]. Так, в рассказе «Трус» локальной точкой действия первоначально является городишко, по мере развития событий русское нарицательное наименование населенного пункта замещается украинизмом местечко [3 (4: 94, 107...)];

3. Относительное толкование украинизма посредством перечисления стилистически однородных русских номинаций (словосочетаний), имеющих общий семантический компонент в своих значениях (в данных примерах – с негативным оттенком): «Школ-ливы, пакостницы, сокотухи...» [2 (4: 240)]; «– Вот я вас, лайдаки, голодранцы парши-вые...» [4 (4: 389)];

4. Препозитивное развернутое пояснение культураны в рамках прямой или авторской нейтральной речи с возможным прямым указанием на лингвогеографию: «– Так что у себя в деревне занимался кузнечным мастерством. Ковалем был» [3 (4: 464)]; «Это была нитка дешевых красных бус, известных в Полесье под названием “кораллов”» [2 (4: 329)];

5. Постпозитивный (с частичным препозитивным началом) буквальный перевод или толкование лексемы, фразы с возможным развернутым определением (фиксируется в авторском пересказе «услышанного»): «... пес и жинка мусят сами себя годувать, то есть должны сами себя пропитывать» [2 (4: 226)]; «... они ведь не могли с собою брать их в гнусное местечко, где все дома – мазанки из глины и коровьего помета...» [4 (4: 696)];

6. Непрямое освещение значения украинской культураны в предложении и шире – во фрагменте текста, которое содержит обширные намеки на семантику единицы, достаточные для формирования представления о предмете: «Вот он оборачивает к нам свое бронзовое лицо, защищенное от солнца широкополым “брилем” из грубой соломы...» [6 (4: 530)] (‘брыль’ – ‘соломенная шляпа с широкими полями’); «На нем надет поверх кожуха войлочный “латун”, уже старенький, но чистый и франтовый, – правая сторона у латуна коричневая, а левая – серая, и все швы оторочены красным шнурком» [2 (4: 221)] (‘латун’ – ‘войлочная жилетка, надеваемая на верхнюю одежду’); «– А они с чем, эти бутылки-то? Сливянка? – Какое сливянка! – махнул я рукой. – Старка, батюшка, вот что!.. – Не знаю, правда ли, но буфетчик божился, что ей двести лет. Запах – прямо как коньяк, и самой янтарной желтизны... Во всяком случае, это была подлинная домашняя, ошеломляющая старка, гордость погребца разорившегося магната» [2 (4: 291)] (‘старка’ – ‘выдержанная крепкая водка со специфическим запахом и цветом’);

7. Толкование номинации посредством диалога, в котором коммуникантами являются представители украинской и русской лингвокультур, они передают или уточняют знания об украинских культураны: «– Это я вам скажу: чи ведьмака народилась, чи ведьмак веселье справляе. – Ведьмака – это колдунья по-вашему? – А так, так... колдунья» [2 (4: 255)]; «– Никак волки, Трохым? – спросил я. – А волки, – подтвердил спокойно Шербатый... – А може, это... вовкулак, – заговорил вдруг Трохым... – Вовкулак? – Ну, да, вовкулак. Бывают, чуєте, такие люди, что умеют волками перекидываться. Вот они и бегают по лесам и трубят. У нас на Полесье этой погани богацько» [2 (4: 492)]; «– Что такое Петербург? Местечко? – Нет, это не местечко; это самый большой русский город» [2 (4: 283)].

В художественном тексте А. Куприна фиксируются и такие моменты, когда значение украинизма становится очевидным благодаря реализации совокупности перечисленных приемов. Последняя иллюстрация [2 (4: 283)] – яркое подтверждение подобной писательской техники: употребление синонимичной лексики на фоне противопоставления (уточнение градации понятия) и развернутого пояснения, толкование украинизма в целом осуществляется в рамках диалогизации, что, в свою очередь, связано со способом введения инокультурного лингвокомпонента в текст.

Употребление западного диалектизма пановка, номинирующего в контексте охоту (повесть «Олеся»), отражает не только бытийность полесских жителей (особенность их мировосприятия, заложенную в лингвокультурный знак), но и предоставляет ценные сведения относительно биографии писателя. «Словник західнополіських говірок» так освещает этимологию вариантов наименования тождественного понятия: «Поно́ва [поно́ва] –и, ж. ‘свіжо випалий сніг’ (протягом усієї зими). По поно́в’ї добре йти на охоту... [пано́ва]... Поновка [поновка] –и, ж. ‘тс, що понова’. Йди на охоту – випала поно́ука» [2 (1: 71)]. А. Куприн раскрывает сущность украинизма описательно-художественным методом, не указывая конкретно на мотивацию значения («заяц... сильно походил: следов много...»), но не по новому, недавно выпавшему снегу, когда хорошо видны следы и, следовательно, «добре йти на охоту»; ср. с определением понятия в Словаре В. Даля, не «теряющим» связь с возможным, предположительным смысловым объемом номинации как языкового знака вне контекста: «По́нову ехать, по первому зимнему пути» [3 (2: 287)]: «– Нужно ружья почистить, паньч. – А что? – спросил я... – Заяц ночью сильно походил: следов много. Может, пойдем на пановку? Я видел, что Ярмоле не терпится скорее пойти в лес, но он скрывает это страстное желание охотника под напускным равнодушием. Действительно, в передней стояла его одностволка... вблизи дула она была украшена несколькими оловянными заплатками...» [2 (4: 258)]. Указанный лексикографический источник фиксирует областное распространение слова пановка, по этим данным можно определить возможные пункты местопребывания А. Куприна в Западной Украине. Это Волынская и Ривненская области, и прежде всего – «Дубровицкий» и «Зарічненський» районы последней [1 (1: XIV, XXI)].

Рассмотренные приемы толкования украинизмов в творчестве русского писателя являются составляющей частью и содержания произведения, и художественного мастерства его создателя.

Ряд произведений А. Куприна – своего рода энциклопедия украинского социального быта. Украинские народно-бытовые традиции или обычаи, упомянутые в русском художественном повествовании, сопровождаются обширным пояснением с указанием локальной спецификации (используется характерный для XIX – начала XX вв. топоним «Малороссия»): «Вдруг визгливый старушечий голос заорал откуда-то позади толпы: “Дегтем ее вымазать, стерву!” (Известно, что в Малороссии мазанье дегтем даже ворот того дома, где живет девушка, сопряжено для нее с величайшим, несмываемым позором.) Почти в ту же минуту над головами беснующихся баб появилась мазица с дегтем и кистью, передаваемая из рук в руки» [2 (4: 318)]. Из ряда тождественных номинаций для обозначения сосуда, вмещающего деготь и кисть, А. Куприн избирает лексику мазица, общую для восточнославянской лингвокультуры и характерную для Украины, ср: «мази́ца... юж. дегтярный лагун, дегтярница, жестянка...» [2 (2: 289)]. В Словаре

В. Даля указанный восточнославянский обычай «поругания» упоминается в двух экземпляжах, относящихся к словарной дефиниции «деготь»: «И рада б ийти (замуж), да зад в дегтю, т. е. опозорена. Распишут тебе ворота дегтем! поругание» [1 (2: 425)].

Пребывание А.И. Куприна в Украине немногим более десятилетия существенно отразилось на его литературном наследии. Творчество писателя вербально и вербально-опосредованно представляет украинскую культуру с конкретными чертами времени и пространства. Это и образцы стилей украинского языка на рубеже XIX – XX веков, и украинская национально-бытовая традиция, этнографическое богатство, и факты этимологической близости двух восточнославянских лингвокультур, а также особенности украинского мировосприятия и поликультурного пространства Украины. Обращаясь к украинской культуре, А. Куприн запечатлел тем самым ценные сведения для таких смежных дисциплин, как история (затрагивающая и социальный аспект), лексикография, этнография. Особенности употребления украинского лингвокомпонента в художественном тексте А. Куприна свидетельствуют о глубине и основательности писательского взгляда на самые существенные стороны украинских реалий, внутренний мир национальных типов.

Утверждения «национальный язык пишет портрет этноса», «концентрирует духовное достояние своего народа», «становится заместителем национальной культуры в целом» [8: 164–165] оформились в актуальную и достойно освещенную аксиому в отечественной и зарубежной лингвистике к началу XXI века. Такая особенность или миссия национального языка была хорошо известна А. Куприну. Оценивая достоверность созданных им словесно-художественных картин украинской жизни, нельзя не признать: этот живописец был мастером.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок: У 2 т. – Луцьк, 2000.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1955.
3. Короленко В. Г. Избранные произведения. – М., 1948. – 672 с.
4. Куприн А. И. Собрание сочинений: В 6 т. – М., 1957.
5. Озерова Н. Г. Украинский лингвокультурный компонент в творчестве В. Нарезного // Проблемы зiставної семантики. Вип. 8. Зб. наук. статей. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2007. – С. 55–62.
6. Полякова Т. М. Украинский лингвокомпонент как средство воссоздания украинской действительности в русском художественном дискурсе (на материале произведений В. Г. Короленко) // Система і структура східнослов'янських мов: Пам'яті академіка Л. А. Булаховського. Зб. наук. праць. – К.: Знання України, 2006. – С. 289–299.
7. Потебня А. А. Полное собрание сочинений. Т. I: Мысль и язык. – Одесса, 1926. – 205 с.
8. Рябцева Н. Язык и естественный интеллект. – М., 2005. – 640 с.
9. Словник української мови: В 11 т. – К., 1970–1980.